

INDEPENDENT

Dmitri Hvorostovsky & Anna Netrebko, Royal Festival Hall, London

Edward Seckerson

19 January 2010

They made for an interesting couple: he, svelte and knowing, his black velvet tails and shock of silver hair suggesting he might briefly have taken leave from *Twilight* or some other nocturnal vampire tale; she, girlishly innocent and ripe for his attentions.

He had maturity on his side, she a completely fabulous instrument and the joy of just simply singing. But not even Dmitri Hvorostovsky and Anna Netrebko could turn an operatic pick-and-mix evening into more than the sum of its parts. From Russia with love, certainly, but how seduced were we by the gift-wrapping?

They both opted for difficult openers. Hvorostovsky chose Wolfram's "Abendstern" ("O Star of Eve") from Wagner's *Tannhäuser* and not even his famed technique could disguise the fact that this difficult legato sits on the fault-line of the voice between chest and head. And why was he smiling, no beaming, so benignly? That's the problem with removing operatic arias from their dramatic context: suddenly it's all about putting your best face and voice forward and making an impression for that moment only – a snap-shot, nothing more.

Netrebko arrived with Strauss' ecstatic wedding gift to his wife Pauline – the love song "Cäcilie" - delivered in gorgeous tone and terrible German. Again the words seemed secondary to a more generalised preoccupation with making a truly grateful sound – and that she did. The evenness and creaminess of that sound

throughout the vocal compass is not given to many. But then again the “cover” of the sound can and did dull the sparkle of Marguerite’s “Jewel Song” from Gounod’s *Faust*. Trills and roulades were somewhat occluded where they need to twinkle knowingly and I’m not sure Netrebko really understood the irony implicit in the number any more than she understood the effect of the ache in the phrasing of “Song to the Moon” from Dvorak’s *Rusalka*. But she sure knew that the money note was the high B natural at the close.

Hvorostovsky had his “Faust” moment, too, and if you are going to “sell” Valentin’s “*Avant de quitter ces lieux*” (an eleven o’clock number if ever there was one) then this is the way to do it – with burnished legato and heart-swelling climaxes. His other big party piece (and this really does sit well on its own) was Yeletsky’s Aria from Tchaikovsky’s *La Pique Dame* – and the long-breathed way it slipped off the vocal chords (his breath control really is second to none) was as good a reason as any for being there.

Actually, the duets were, too. Two extended scenes from Leoncavallo’s *I Pagliacci* and Tchaikovsky’s *Eugene Onegin* gave the chemistry between them a chance. Nedda and Sylvio’s close encounter was shrouded in uncertainty, the inevitable kiss furtively illicit, while the scorching final encounter between Tatyana and Onegin was full of the passion that comes too late, its still centre of regret touchingly caught by both artists.

It’s easy to overlook the orchestra and conductor on these starry showcase occasions – but Lawrence Foster and the Philharmonia Orchestra did a good job with the orchestral “grouting”, Foster bolstering up his stars and even playing hard to get when Netrebko began her now signature flirtations with Lehar’s “*Meine lippen sie kussen so heiss*”. Hvorostovsky’s answer was to smoulder provocatively with “*Moscow Nights*”. And I was thinking *Twilight* again.

INDEPENDENT 19 января 2010

Дмитрий Хворостовский и Анна Нетребко, Royal Festival Hall, Лондон

Эдвард Секерсон

Они составляли интересную пару: он, статный и умудрённый опытом, его чёрный бархатный фрак и копна серебристых волос наводили на мысль, будто он только вышел из "Сумерек" или какой-нибудь другой вампирской сказки; она, по-девичьи простодушна и готовая ему внимать.

На его стороне была зрелость, у неё – совершенно потрясающий инструмент и радость от просто пения. Но даже Дмитрий Хворостовский и Анна Нетребко не смогли превратить оперный вечер в нечто большее, чем просто сумма его частей. Из России с любовью, конечно, но соблазнила ли нас подарочная упаковка?

Они оба выбрали трудные вступления. Хворостовский начал с "Abendstern" Вольфрама ("О звезда Евы") из "Тангейзера" Вагнера, и даже его знаменитая техника не смогла скрыть тот факт, что это сложное легато находится на границе голоса между грудью и головой. И почему он улыбался, нет, сиял, так благодушно? Вот в чём проблема в отрыве оперных арий из их драматического контекста: внезапно всё сводится к тому, чтобы показать товар лицом и произвести впечатление только в этот момент - мгновенный снимок, не более.

Нетребко начала с восторженного свадебного подарка Штрауса своей жене Полине – песни о любви "Cäcilie", исполненной прекрасным тоном и ужасным немецким. И снова слова казались второстепенными по сравнению с более общей сосредоточенностью на создании по-настоящему богатого звука – и это у неё получилось. Ровность и чистота этого звука во всём вокальном диапазоне удаётся не многим. Но опять же, "обложка" звука могла и приглушила блеск "Jewel Song" Маргариты из "Фауста" Гуно. Трели и рулады были несколько неясны там, где им нужно было сознательно мерцать, и я не уверен, что Нетребко действительно понимала иронию, скрытую в этом номере больше, чем она понимала эффект боли в словах "Песни луне" из "Русалки" Дворжака. Но она точно знала, что верхняя Си в конце была самой важной.

У Хворостовского тоже была ария из "Фауста", "Avant de quitter ces lieux" Валентина (идеальный финальный номер, если такой возможен). Если и есть способ приподнести его в лучшем виде – то это надо делать именно так - с блестящим легато и переполняющими сердце кульминациями. Другим большим оперным фрагментом (который был хорош сам по себе) была ария Елецкого из "Пиковой дамы" Чайковского - и то, как она слетела с голосовых связок (его контроль дыхания действительно не имеет себе равных), было такой же веской причиной присутствовать на этом концерте.

Да, и дуэты тоже. Две продолжительные сцены из "Паяцев" Леонкавалло и "Евгения Онегина" Чайковского показали эмоциональную связь между ними. Встреча Недды и Сильвио была окутана неопределенностью, с неизбежным поцелуем украдкой, в то время как пылкий финальный дуэт Татьяна и Онегина был полон страсти, которая пришла слишком поздно, и момент сожаления проникновенно схвачен обоими артистами.

В звёздных выступлениях легко было упустить из вида оркестр и дирижера – но Лоуренс Фостер и Филармонический оркестр проделали хорошую работу с оркестровыми номерами, Фостер поддерживал звёзд и даже подыгрывал, когда Нетребко начала свой теперь уже фирменный флирт в "Meine Lippen sie küssen so heiss" Легара. Ответ Хворостовского состоял в том, чтобы соблазнительно тлеть "Подмосковными вечерами". И я снова подумал о "Сумерках".

Перевод с английского Н. Тимофеевой

